

«Время убивать» как последний колониальный роман итальянской литературы

Ю. И. Николаева

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
julianika80@gmail.com*

Аннотация. Роман Э. Флайано «Время убивать» (1947) следует паттернам колониального повествования, характерным для художественной литературы фашистской Италии. При этом своим сюжетным строением он невольно выявляет очевидные противоречия между искусственно созданным положительным образом завоевателя и неприглядной реальностью колониальной авантюры. Такой разрыв стал прецедентным для постколониальной прозы и критики, развивавшейся в Италии с 1980-х годов. Роман Э. Флайано повлиял на постколониальную традицию благодаря усиленной авторской рефлексии, став одной из моделей для работы с трудным историческим прошлым.

Ключевые слова: итальянская литература, колониализм, постколониализм, образ Африки, Эфиопия, колониальная империя, колониальный роман

Для цитирования: Николаева Ю. И. «Время убивать» как последний колониальный роман итальянской литературы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 139–144.

Original article

“A Time to Kill” as the Last Colonial Novel of Italian Literature

Iuliia I. Nikolaeva

*The Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
julianika80@gmail.com*

Abstract. E. Flaiano's novel “A Time to Kill” (1947) follows the patterns of colonial narrative characteristic of the fiction of Fascist Italy. At the same time, its plot structure unwittingly reveals obvious contradictions between the artificially created positive image of the conqueror and the unsightly reality of the colonial adventure. This gap has become a precedent for the postcolonial prose and criticism that has been developing in Italy since the 1960s. E. Flaiano's novel has influenced the postcolonial tradition through an intensified authorial reflection, which has become one of the models for dealing with a difficult historical past.

Keywords: Italian literature, colonialism, postcolonialism, image of Africa, Ethiopia, colonial empire, colonial novel

For citation: Nikolaeva, I. I. (2023). “A Time to kill” as the last colonial novel of Italian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 139–144.

ВВЕДЕНИЕ

Авторитарные и тоталитарные проекты XX века претендовали на равномерную идеологизацию всех сфер жизни общества. Идеология диктатуры Бенито Муссолини требовала однозначного оправдания и даже рекламы колониализма как выражения неоспоримой мощи государства, поэтому литература двадцатилетнего правления Муссолини прямо или косвенно романтизировала колониальную политику Италии. Муссолини намеренно реорганизовывал Италию, превращая ее из периферийного национального государства Европы в подобие колониальной империи.

Итальянская колонизация территорий Африканского Рога шла постепенно, начавшись с мирного освоения бухты Ассаб в конце XIX века. Затем Италия обрела контроль над Ливией по результатам Итоло-турецкой войны. 1 июня 1936 года Эфиопия, Эритрея и Итальянское Сомали были объединены в составе Итальянской Восточной Африки. Экспансия в Африку была частью амбиционного плана создания империи по образцу Римской.

Однако имперские амбиции противоречили как экономической слабости страны, так и нехватке человеческих ресурсов для интеграции новых территорий. Поэтому итальянская литература и искусство должны были взять на себя миссию вербовки новых кадров для покорения будущих колоний и управления уже существующими.

В своем очерке *Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie* С. Камилотти отмечает, что литература так или иначе участвует в создании обобщенного образа эпохи, усиливая или разрушая его. Независимо от того, разделял ли писатель до конца фашистскую идеологию, его образы современности могли быть идеологизированы [Camilotti, 2014].

Даже нейтральная художественная литература того времени поневоле воспринималась читателями в ключе тех образов, которые создавала мощная пропаганда. Основу этой пропаганды, для распространения которой использовались как старые (книги, газеты), так и новые (радио, кинематограф) медиа, составляли простые мифы, соединявшие архаизацию сознания и плоский прогрессизм. Так, культ Римской империи и рассуждения о якобы особенной итальянской расе, состоящей из героев, готовых погибнуть за вождя, соединялся с призывами к обновлению промышленности, поощрением молодежных инициатив и милитаризмом. Литература тем самым оказывалась в водовороте усиленной пропаганды средствами идеологических образов. Далее следует краткое описание того, как выглядел колониальный дискурс в литературе

фашистского периода и как эта тема эволюционировала в творчестве Э. Флайано.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИТАЛЬЯНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Согласно мнению ряда критиков¹, художественные произведения о колониальных завоеваниях, полностью укладывавшиеся в новую идеологическую программу, не имели большой литературной ценности. Авторами выступали непрофессиональные литераторы, чаще всего военные, сменившие мирных исследователей и миссионеров первых лет колонизации и защищавшие милитаризм в клишированных текстах, в основу которых был положен героический дискурс восхваления героя-колонизатора, несущего цивилизацию диким народам. В таких текстах «героические» эпизоды чередовались с описаниями любовных авантур: обязательным элементом приключений героя была эротическая связь с местной женщиной, овладение которой символизировало завоевание Африки.

В своем эссе *Il romanzo coloniale tra imperialismo e rimorso* 2001 Мария Пальера реконструирует базовую структуру колониального романа [Pagliara, 2001]. Повествование обычно делится на четыре этапа: отправление, контакт, препятствие и вынужденное возвращение. Здесь схема сказки (по В. Я. Проппу²) оказывается подчинена высшей государственной необходимости, и тем самым государство во главе с вождем оказывается властителем не только реальности, но и литературного вымысла. Отбытие главного героя из Италии в «дальние края» является отправной точкой фабулы. Также, отмечает Пальера, начиная с 1930-х годов, фигура «гражданского» колонизатора заменяется военным. Итальянцы покидают Родину с двойной миссией: цивилизационной, т. е. с целью приобщить местное население к собственной культуре, и политико-экономической, направленной на обогащение Италии и своего народа. Кроме того, наличие колоний уравнило бы Италию с другими европейскими колониальными державами.

Второй этап повествования – встреча двух народов, «белого» и «другого». Этот контакт описывается с помощью кричащих контрастов, которые приняты в массовой литературе. Это и встреча двух культур, двух способов восприятия реальности. «С одной стороны порядок, мера, энергия,

¹ Де Донато, Гаццоло Стаккини (1991); Дель Бока (1994); Иззенги (1996); Томазелло (2004); Вентурини (2010).

² Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Собрание трудов Т. 2. 1998.

активность, преданность, – цивилизация, иными словами; с другой стороны, хаос, лень, пассивность, коварство»¹ [Pagliara, 2001, с. 14]. Встреча происходит либо в самом начале повествования, либо в самом конце, выполняя роль эпилога. Если главный герой – африканец, встреча с «белым» обычно происходит в конце повествования, как положительный исход всех злоключений. Такое повествование ведется с точки зрения колонизируемого с целью утвердить превосходство «белого». Встречу белого мужчины с местной женщиной можно считать инвариантом в романах, опубликованных до принятия расовых законов 1938 года.

В таких случаях герой держит женщину при себе, при этом любовь и брак невозможны. Пальяра добавляет, что в некоторых текстах «несовместимость двух героев преодолевается, если женщина принадлежит к высшему классу и, следовательно, имеет больше возможностей принять идею прогресса, олицетворяемого белым мужчиной» [там же, с. 16].

Тем самым все варианты развития событий, характерных для массовой литературы, становятся на службу фашистской идеологии.

Третьим важным этапом повествования оказывается отъезд героя или появление другой женщины, обычно белой, принадлежащей к европейской культуре.

Последним, четвертым, этапом обычно является возвращение героя в Европу – зачастую против собственной воли, по приказу высшего руководства. «Герой испытывает ностальгию по Африке и уже в собственной стране чувствует себя иностранцем, мечтающим вернуться в нетронутые цивилизацией края» [там же, с. 18].

Говоря об изображении африканской женщины в итальянской художественной литературе фашистского периода, Джульетта Стефани рассуждает: «Женственность и эротичность покоренных земель были необходимы для укрепления мужской власти, основанной на силе. Также символизм отношений между полами, т. е. доминирование мужчин над женщинами, или колониальной силы (мужчин) над колониями (женщинами), представлялся естественным порядком вещей» [Stefani, 2007, с. 98].

В итальянском колониальном дискурсе экзотизация и эротизация африканских территорий (а, следовательно, и женщин) проходили неравномерно. Во время первых контактов – в 80-е годы XIX века – «африканский континент изображался как место доступных чувственных удовольствий» [там же], где женщины одержимы плотскими инстинктами и часто сравниваются с животными (сравнение, которое используется и для мужчин-туземцев).

¹ Зд. и далее перевод наш. – Ю. Н.

С. Камилотти пишет, что изображения Африки и ее обитателей в колониальной литературе сочетают в себе две сильные эмоции: отвращение и очарование. Африка предстает как завоеванная земля, которая соблазняет красотой, но и дезориентирует вплоть до гибели. Это территория мифа, земля «чужих», неподвижная и не знакомая с цивилизацией и прогрессом. Ее климат суров, а народы доведены до животного состояния. Африка – одновременно и недруг, и верная раба [Camilotti, 2014].

Это фантастическая территория с несметными богатствами (часто преувеличенными), «дикой» природой, неудержимой эротичностью женщин, возможностями для самореализации. С другой стороны, она описывается как «варварское» место, «погруженное во тьму». Африканский континент воспринимается Западом как убежище от условностей, а также как место, куда можно экспортировать «цивилизацию», расширяя таким образом собственные культурно-политические границы.

В своем обзоре колониальной литературы эпохи фашизма Д. Томазелло делает важное дополнение: стереотипы изображения Африки, привитые фашистским режимом, еще долгое время жили в общественном сознании, несмотря на потерю колоний и поражение в войне. Колониальное прошлое страны не было переосмыслено итальянскими историографами послевоенного периода в достаточной мере. В результате мифы о позитивном влиянии колонизации просуществовали в массовой культуре еще несколько десятилетий. Так в 1970-е годы распространилась идея о колонизации как о «гуманитарной» акции, направленной на помощь и содействие [Tomasello, 2004].

Радикальное изменение политических условий по результатам Второй мировой войны и падение фашизма не могли не повлиять на изменение видения Африки. Территория колоний начала ассоциироваться с негативным опытом неудавшейся политической стратегии и поражения в войне. Африка больше не изображалась как место, где героя ждут захватывающие приключения, или как поле военных подвигов, но стала символом поражения, разочарования и раскаяния завоевателей.

Одним из таких литературных произведений, изображавших Африку в новом ключе, и стал роман Э. Флайано «Время убивать».

АНТИКОЛОНИАЛЬНОСТЬ РОМАНА

Э. ФЛАЙАНО «ВРЕМЯ УБИВАТЬ»

Роман Э. Флайано «Время убивать» (1947) написан спустя шесть лет после крушения итальянской империи в Эфиопии. Повествование ведется от первого лица, и личные переживания героя

перемежаются с описаниями внешнего контекста: Эфиопии, ее жителей, пейзажа в разгар итало-эфиопской войны.

Любопытен выбор названия романа. Известно, что рукопись, которую автор передал издателю в марте 1947 года, имела заглавие *Il coccodrillo* («Крокодил»). Существовали еще два варианта: *Il Dente* («Зуб») и *La scorciatoia* («Кратчайший путь»). Все три заголовка были отвергнуты издательством, позволяя тем не менее проследить некоторые темы и символы романа.

Само словосочетание *время убивать* отсылает читателя к Соломоновым антиномиям книги Екклесиаста (3:3) и остается без продолжения, лишний раз напоминая о жестокости и трагизме войны, где убийство и смерть неизбежны. Нельзя недооценить смелость автора, уже в 1947 году отважившегося писать о войне в Эфиопии, которая, начавшись как грандиозная имперская кампания, закончилась страшным позором для Италии и была предана забвению на долгие годы. «Время врачевать» в отношении к этому эпизоду итальянской истории наступило совсем недавно.

Та форма изложения, которую выбрал Э. Флайано для описания путешествия итальянского офицера, далека от буквального изложения фактов. Повествование от первого лица позволяет проникнуть в самые глубины личности главного героя и разделить его чувства и переживания. Такое видение максимально субъективно и эгоцентрично.

Роман стал продолжением дневников автора под заголовком *Aethiopia. Appunti per una canzonetta* («Эфиопия. Заметки для песенки»), которые публикуются вместе с текстом романа. Выбор места повествования реалистичен и автобиографичен. Э. Флайано лично участвовал в эфиопской кампании в 1935–1936 годах, однако само путешествие безымянного героя наполнено символами и аллегориями.

Автор оставляет своего героя без имени, и единственным обращением к нему служит его должность – *tenente*. С помощью такого нехитрого приема автор делает историю своего героя универсальной.

Повествование начинается с болезни: у лейтенанта сильно болит зуб, и он получает разрешение отправиться к зубному врачу. Образ болезни как движущей силы повествования также весьма символичен. Не славу, а боль и неудобства обретает герой-завоеватель. Простая задача найти зубного врача оборачивается трагедией – непредумышленным убийством местной девушки Мариам – и привносит новую линию в повествование. Офицер начинает подозревать, что девушка заразил его проказой, и все его дальнейшие скитания

будут обусловлены страхом перед неизлечимой болезнью.

Интересную интерпретацию болезни дает Кристина ди Пьетро: проказа, которая в разных культурах считалась символом божественной кары, является причиной и следствием экзистенциального одиночества. Автор статьи приравнивает болезнь к наказанию за участие в завоевательной войне [Di Pietro, 2015].

В романе также фигурирует образ кратчайшего пути, который занимает особое место в его топонимике. Сворачивая на тропинку, главный герой теряется в незнакомых местах и оказывается виновником убийства. Строительство более короткой дороги становится основным занятием подразделения, в котором служит лейтенант, несмотря на всю бессмысленность этого предприятия. Неподалеку от тропы повешены несколько местных жителей – соседей и родственников Мариам и ее отца, Йоханнеса.

Итальянская колонизация Африки представлялась колонизаторам – коротким и легким путем к могуществу и процветанию, но результат оказался иным. Так и в тексте: кривая дорожка с разлагающимися трупами мулов по обеим сторонам ведет к преступлению, отчаянию, болезням и смерти.

Образ африканской женщины довольно активно эксплуатировался в колониальной литературе Италии. Ссылаясь на С. Камилотти, можно видеть, что женщина-туземка воспринимается прежде всего как объект подчинения, презрения или удовольствия, подчас приводящего к гибели [Camilotti, 2014]. При этом она всегда остается молчаливой частью пейзажа. Здесь Э. Флайано следует традиции.

В интерпретации Кристины ди Пьетро встреча с Мариам становится центральным событием для понимания отношения лейтенанта к девушке и Африке в целом [Di Pietro, 2015]. Имя Мариам выбрано не случайно. В некотором смысле это тоже обобщение:

non poteva chiamarsi che Mariam (tutte si chiamano Mariam quaggiù) (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Ее не могли звать иначе как Мариам (здесь их всех зовут Мариам).

Сцена встречи лейтенанта с девушкой – аллегория отношений между колонизатором и подчиненным. Герой считает себя вправе овладеть ею, и этот поступок не является для него преступлением. Встреча заканчивается трагедией, и мысли о Мариам и постоянный диалог с ней сопровождают главного героя на протяжении всего романа. В этой встрече Флайано «переворачивает»

традиционный образ покорителя. Болезнь и чувство вины – вот всё, с чем остается лейтенант.

Одиноким герой Э. Флайано так глубоко погружен в свою боль, что всё вокруг – включая природу и людей – выглядит серо и тускло. Местные жители, с которыми он общается, немногословны или безмолвны, детали быта описаны скупо. Подчеркивается примитивность и бедность этих мест. Почти все африканцы, с которыми встречается главный герой, молчат. Это и Мариам, от которой мы слышим лишь несколько слов, когда лейтенант пытается общаться с ней с помощью рисунка. Это и девушки с граммофоном в сцене с майором.

Чудесное исцеление офицера, которое не было бы возможно без помощи Йоханнеса, отца убитой Мариам, не способствует сближению черного лекаря и белого пациента. Йоханнес безмолвен. Служивец лейтенанта говорит о нем лишь то, что эти люди не имеют привязанностей:

Non è gente che si affeziona
(*E. Flaiano Il tempo di uccidere*).

В одной из сцен лейтенант обменивается с майором своим мнением об Африке:

Africa è lo sgabuzzino delle porcherie, eh?
(*E. Flaiano Il tempo di uccidere*).

Определение Африки как «вместилища мерзостей» одновременно презрительно и иронично. В этой фразе слышна надменность «высшей» расы и противоречие с романтическим образом колоний, который старательно конструировал фашистский режим.

Природа, описанная блуждающим лейтенантом, также выступает мертвым фоном. Пейзажи лишены цвета, часто упоминается пыль, разлагающиеся трупы мулов и шныряющие в зарослях геенны. Всё это похоже на декорацию: бесцветные полотна из папье-маше.

Le piante di quella boscaglia erano di cartapesta, veri fondi di magazzino dell'Universo (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Растения в этом лесу были из папье-маше, будто самое дно хранилища Вселенной.

Известно, что по возвращении в часть главный герой ждет возмездия, но никому нет дела до его преступлений, и пафос раскаяния исчезает:

Mi sembra inutile parlare di delitti visto che nessuno mi cerca (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Мне кажется бесполезным говорить о преступлениях, раз меня никто не ищет.

Как цинично замечает его сослуживец:

Il prossimo è troppo occupato coi propri delitti per accorgersi dei nostril (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Ближний слишком занят собственными преступлениями, чтобы обращать внимания на наши.

Даже образ горна, который лейтенант воспринимает как символ Страшного суда, кажется ему комичным:

È una tromba abbastanza comica per il mio Giudizio... ma a ciascuno la sua tromba (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Это весьма смешной горн для моего Суда... но каждому свой горн.

Каждому свой горн – заключает он, как бы перефразируя известное изречение *suum cuique* о том, что каждый получит по заслугам.

Поиск исцеления от придуманной болезни, страх за собственную жизнь, отсутствие покаяния и возмездия за убийство, хоть и непредумышленное, создают мрачный образ искалеченного, сломленного героя.

Пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем звук горна перестанет быть комичным, а Мариам, Йоханнес и другие молчаливые герои обретут собственный голос [Spivak, 1988] и расскажут собственные истории.

Как пишет Джулиана Бенвенути в статье *Da Flaiano a Ghermandi: riscritture postcoloniali*, роман Э. Флайано представляет собой особенный текст не только потому, что уже в 1947 году он подвергает критике основы колониализма и описывает разочарование от несбывшихся надежд главного героя, но прежде всего потому, что центральное место в нем занимает чувство вины. Итальянский офицер, совершивший убийство, впадает в забытие. Психоз становится символом колониальной кампании [Benvenuti, 2012]. В романе нет прямого осуждения колониализма, но Флайано заставляет читателя осознать абсурдность и безумие колонизации как таковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман Э. Флайано оказался переломным этапом от колониальной к постколониальной литературе и важной вехой в истории итальянской словесности. Косвенным подтверждением этому является присуждение ему престижной литературной премии «Стрега» в 1947 году.

Начиная с 1980-х годов, колониальная история, ее герои и трагедии становятся объектами исторических и литературоведческих исследований

и постепенно находят свое место в итальянском литературном каноне. К примеру, роман писательницы итало-эфиопского происхождения Г. Германди «Царица цветов и жемчужин», вышедший в 2007 году, выступает как контрнарратив к роману Флайано. Именно так он определяется в ряде критических работ. Следует уточнить, что контрнарратив, или контрповествование, понимается, помимо прочего, как возможность дать слово исключенным меньшинствам, которые не имеют голоса, т. е. сюжетам и героям, не имеющим самостоятельной идентичности.

Г. Германди по крупицам собирает «цветы и жемчужины» историй своих соотечественников, испытавших на себе ужасы войны с Италией и ее последствия. При этом Эфиопия Г. Германди – это

еще и неописуемо богатый мир красок, ароматов, вкусов. Это поэзия, песни, молитвы и сказки. Мир, отвергнутый европоцентризмом, который обретает свой голос благодаря смелости автора и ее бережному отношению к прошлому.

Таким образом, несмотря на очевидную близость к колониальной традиции (повествование от лица солдата-завоевателя, экзотизация и романтизация африканской реальности, наличие эротических сцен), роман Э. Флайано значительно отделяется от стандартов колониальной литературы эпохи фашизма, осуждая и критикуя идею колонизации. Столь смелый взгляд автора во многом способствовал началу осмысления колониального прошлого, которое продолжается до сих пор в рамках постколониальных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Camilotti S. Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie. Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing, 2014. С. 17–19.
2. Pagliara M. Il romanzo coloniale. Tra imperialismo e rimorso. Bari: Laterza, 2001.
3. Stefani G. Colonia per maschi: Italiani in Africa Orientale. Verona: Ombre Corte Editore, 2007.
4. Tomasello G. L'Africa tra mito e realtà. Storia della letteratura coloniale italiana. Palermo: Sellerio editore, 2004.
5. Di Pietro C. Tempo di uccidere – 1947 Un grande romanzo della tradizione letteraria coloniale e postcoloniale italiana. Creative Commons Attribuzione – Non commerciale – 22/05/2015.
6. Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak? Marxism and the Interpretation of Culture ed. by C. Nelson. Basingstoke: Macmillan, 1988. P. 271–313.
7. Benvenuti G. Da Flaiano a Ghermandi. Riscritture postcoloniali, «NARRATIVA», 2012, 33/34. P. 311–321.

REFERENCES

1. Camilotti S. (2014). Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie (pp. 17-19). Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing.
2. Pagliara M. (2001). Il romanzo coloniale. Tra imperialismo e rimorso. Bari: Laterza.
3. Stefani G. (2007). Colonia per maschi: Italiani in Africa Orientale. Verona: Ombre Corte Editore.
4. Tomasello G. (2004). L'Africa tra mito e realtà. Storia della letteratura coloniale italiana. Palermo: Sellerio editore.
5. Di Pietro C. (2015). Tempo di uccidere – 1947 Un grande romanzo della tradizione letteraria coloniale e postcoloniale italiana. Creative Commons Attribuzione – Non commerciale.
6. Spivak G. Ch. (1988). Can the Subaltern Speak? Marxism and the Interpretation of Culture ed. by C. Nelson (pp. 271–313). Basingstoke: Macmillan.
7. Benvenuti G. (2012). Da Flaiano a Ghermandi. Riscritture postcoloniali, (pp. 311–321) «NARRATIVA», 33/34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Юлия Игоревна

аспирант

преподаватель Российско-итальянского учебно-научного центра при историко-филологическом факультете Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaeva Iuliia Igorevna

Postgraduate student

faculty member at the Russian-Italian Research Center at the Faculty of History and Philology, Institute of Philology and History Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.08.2023
14.09.2023
18.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication